

Кюхельбекер дал одному из самых видных шишковистов Шахматову. Так, Дельвиг писал: «Ах, Кюхельбекер! сколько перемен с тобою в два-три года!.. Так и быть! Грибоедов соблазнил тебя, на его душе грех! Напиши и ему и Шихматову проклятие, но прежними стихами, а не новыми!» [10;267].

По существу и даже по стилю о том же писал Кюхельбекеру Туманский 11 декабря 1823 г. из Одессы (где жил тогда Пушкин): «Страшусь раздражить самолюбие приятеля, но, право, и вкус твой несколько очеченился! Охота же тебе читать Шихматова и Библию. Первый – карикатура Юнга; вторая – несмотря на бесчисленные красоты, может превратить муз в церковных певчих!» Какой злой дух, в виде Грибоедова, удаляет тебя в одно время и от наслаждений и от истинной поэзии и от первоначальных друзей твоих!» [10; 269].

Чрезвычайно знаменательно, что к этому письму сделал приписку Пушкин, которую впервые атрибутировал Тынянов. Отсюда следует, что Пушкин, разумеется, был знаком с письмом Туманского и разделял его мнения, особенно призыв «соединиться узами таланта и одинаких правил, дабы успеть еще спасти народную нашу словесность». Таким образом, пушкинская приписка доказывает, что все письмо можно воспринимать как коллективное послание к Кюхельбекеру Туманского и Пушкина.

Талант Пушкина ни у кого не вызывал сомнений. Крайне необходимо было использовать такой талант во благо высших стремлений, воодушевлявших будущих декабристов. Декларирование гражданских идеалов в литературе, стремление к актуальности и современности литературы, необходимость сделать литературу стражем общественной морали и нравственности, попытки провозгласить литературу голосом общественной совести и социальной справедливости - это тот, далеко не полный, список требований и претензий, который выдвигали к литературе гражданские романтики. Именно с этих позиций декабристы-литераторы подходили к оценке творчества Пушкина – и не находили там отзвука своим чаяниям. Отсюда их постоянные призывы и увещевания, обращенные к Пушкину как в прозе, так и в стихах.

Раевский, обращаясь к Пушкину, восклицал: «Оставь другим певцам любовь, Любовь ли петь, где брызжет кровь?» [8; 326]. Рылеев писал Пушкину, который находился тогда в Михайловском: «...Не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы» [9; 312]. Декабристам очень хотелось сделать Пушкина своим единомышленником и союзником, использовать его талант на службу высоким декабристским идеям. Этими стремлениями был воодушевлен и Кюхельбекер, о чем свидетельствует центральная в его литературно-критическом наследии статья «О направлении нашей поэзии...»

Материал о суждениях относительно полемики Пушкина с поэтами декабристского круга обычно извлекается из переписки Пушкина со своими современниками. Письма, сыгравшие, несомненно, чрезвычайно важную роль, содействуя кристаллизации и уточнению литературных позиций. И все же они не были достоянием общественности, не становились фактами открытой литературной полемики. С этой точки зрения только Кюхельбекер в статье, опубликованной в «Мнемозине» наиболее четко и последовательно сформулировал позицию как свою, так и своих единомышленников.

Обычно считается, что статья Кюхельбекера была направлена прежде всего против Жуковского и представителей его школы. Но у критика был, как нам кажется, еще один адресат, более важный. Он не назван прямо, однако подразумевается – Пушкин. Разумеется, в статье содержатся весьма комплиментарные строчки: три первые поэмы Пушкина *{особенно первая, замечает Кюхельбекер}* «подают великие надежды» [3; 468]. Однако же историко-литературная концепция Кюхельбекера носит явно антипушкинский характер.

По мнению критика, важнейшим в истории русской литературы было «поколение лириков, коих имена остались стяжанием потомства». Кюхельбекер называет эти имена: Ломоносов, Петров, Державин, Дмитриев, Капнист, «некоторым образом Бобров, Востоков и, наконец, поэт, «заслуживающий занять одно из первых мест на русском Парнасе, кн. Шихматов...» [3; 453-454], Увы, считает, Кюхельбекер, это направление не имело достойных преемников. Произошло

«преобразование нашей словесности», предпринятое Жуковским и его последователями. На первое место выдвинулась элегическая школа в поэзии, которая нашла в лице Кюхельбекера убежденного противника. Спор шел не просто о жанрах. Основой полемики стал важнейший вопрос о целях и предназначении литературы.

Не случайно Пушкин среди многих критических статей начала 20-х годов XIX века выделил прежде всего именно эту статью Кюхельбекера. Поэт почувствовал, что давний лицейский друг метил в него. Сошлемся в этой связи на мнение Владимира Набокова, который считал, что выступление Кюхельбекера «задело его, ибо лексика его собственных элегий, несмотря на их великолепную мелодичность, вполне попадала под огонь кюхельбекеровской атаки... [5; 366].

Тем самым Кюхельбекер стал участником той полемики, которая развернулась вокруг поэзии Пушкина к первой половине 1820-х годов, продолжалась еще несколько десятилетий, а в середине XIX века получила даже наименование «пушкинского» и «гоголевского» направлений. Общеизвестно, что Пушкин принимал шеллингианскую формулу: «цель поэзии – поэзия» [7. - Т. X; 141] (из письма Жуковскому апрель 1825 г.).

В этой связи можно вспомнить, что Белинский и Гоголь, которые в 40-е годы занимали по многим вопросам противоположные позиции, сходились все в одном: пушкинское направление было им чуждо. Показателен в этом отношении подзаголовок статьи М. Вайскопфа «Зачем так звучно он поет?»: «Гоголь и Белинский в борьбе с Пушкиным». По мнению исследователя, Белинский и Гоголь были убеждены, что от пушкинского направления «выигрывало искусство и мало приобретало общество» [1; 86].

Как бы то ни было, для самого Пушкина общение с младоархаистами и полемика с Кюхельбекером не прошла бесследно.

Пушкин сходилась с младшими архаистами в их борьбе против маньеризма, против перифрастического стиля – наследия карамзинистов, и шел за ними в поисках «нагой простоты», «просторечия». Впрочем, в одном из существенных

пунктов литературной теории младших архаистов, в вопросе о воскрешении высокой эпической поэзии Пушкин резко разошелся с ними.

Как известно, Пушкин не оставил без внимания выступление Кюхельбекера в «Мнемозине» и собирался ответить на него в незаконченной статье. По мнению пушкинистов, ни одна критическая статья, опубликованная при жизни Пушкина, не привлекла к себе такого внимания поэта, не побуждала его столько раз обращаться к ней, как программная статья Кюхельбекера «О направлении нишей поэзии...». В данном случае оценки Пушкина приобретают характер некоего знака, определяя принципиальную важность мыслей Кюхельбекера в литературном движении 20-х годов XIX в. Пушкин даже собирался печатно ответить своему другу. Очевидно, события декабря 1825 г. помешали ему осуществить свои намерения. До нас дошел лишь черновой набросок, который печатается в настоящее время под заглавием «Возражение на статьи Кюхельбекера в "Мнемозине"». Судя по этому наброску, Пушкин предполагал дать самую высокую оценку автору статей, которые, по его словам, «написаны человеком ученым и умным». Однако ряд суждений Кюхельбекера он назвал «ошибочным во всех отношениях» [7. - Т. VII; 40].

Пушкин, высоко оценивший критическое дарование Кюхельбекера, решительно не согласился с его историко-литературной концепцией, в соответствии с которой преимущественное значение приобретали произведения «старинных наших поэтов», а направление Жуковского и его последователей воспринималось как неперспективное. В связи с этим Пушкин спорил с утверждением Кюхельбекера о первостепенной важности оды, которая, по мнению поэта, «исключает постоянный труд». И как бы Кюхельбекер ни превозносил *восторг*, как эстетическую категорию, присущую именно оде, Пушкин на первый план выдвигал иную категорию: поэтическое *вдохновение*, без которого невозможно создание никакого произведения искусства. По глубокому убеждению Пушкина, «Вдохновение может [быть] без восторга, а восторг без вдохновения [не существует]». [7. - Т. VII; 41].

Как бы то ни было, справедливыми остаются слова Тынянова, что самая полемика с Кюхельбекером «имела важное для Пушкина значение: обнажила основные проблемы поэзии, проблемы поэтического языка и жанров» [10; 121].

С этой точки зрения особое внимание вызывает *присутствие* Кюхельбекера в «Евгении Онегине». А. Немзер убедительно доказал наличие в пушкинском романе в стихах *диалога с Жуковским* [6; 43-64]. С не меньшим основанием можно говорить и о своеобразном *диалоге с Кюхельбекером*.

Известно, что одним из прототипов Ленского считается Кюхельбекер. Тынянов достаточно убедительно обосновал это предположение. Не повторяя аргументацию ученого, отметим одно из самых существенных указаний: в Ленском «была воплощена трактовка поэта, которую проповедовал Кюхельбекер, – высокого поэта...» [10; 273]. Не менее существенно и то, что говоря о Ленском, достаточно подробно касался тех литературных проб» которые были предметами споров автора романа с Кюхельбекером.

По мнению Тынянова, в 1823 г., когда создавалась вторая глава «Евгения Онегина», в сознании Пушкина «еще был жив облик Кюхельбекера-элегика; еще только шел разговор о новом «грибоедовском» направлении поэзии, казавшимся старым друзьям скоропреходящим увлечением. Разговор шел о направлении поэзии. Ленский в пушкинском романе выступает как типичный злегик. В этом отношении показательно, что среда литературных источников элегий Владимира Ленского исследователи отмечают стихотворение Кюхельбекера «Пробуждение» (1820): «Что несешь мне, день грядущий? / Отцвели мои цветы...» [2. - Т.1; 125].

Этот спор с Кюхельбекером впоследствии был перенесен на страницы «Евгения Онегина». В главе шестой, рассказывая об элегиях, которые влюбленный Ленский пишет в альбом Ольги, Пушкин иронически воспроизводит аргументы Кюхельбекера, вступая с ним в прямой диалог:

«...Но все в элегии ничтожно;

Пустая цель ее жалка;

Меж тем цель оды высока

И благородна...» Тут бы можно

Поспорить нам, но я молчу:

Два века ссорить не хочу». [7. - Т.У; 90].

Внимательный читатель пушкинского времени без всякого труда мог заметить в процитированных строчках пересказ основных положений статьи Кюхельбекера «О направлении...» Набоков заметил, что в данном случае Пушкин не хочет принимать ни одну из сторон» [5; 56], что совершенно естественно для автора «Евгения Онегина»: его эстетические убеждения не отличались односторонностью и узостью. И даже та явная ирония, с которой в воссоздан Ленский и его стихи, не отменяют авторского сочувствия не только по отношению к судьбе «младого поэта», но и к его элегиям.

Диалог с Кюхельбекером ощущается и в Предисловии, которым Пушкин снабдил Первую главу романа, вышедшую отдельным изданием в 1825 г.: говоря о возможных упреках «дальновидных критиков», Пушкин предположил, что их недовольство могут вызвать «некоторые строфы, написанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие» [7; Т. V. – 509]. Легко заметить, что это скрытая цитата из все той же статьи Кюхельбекера, которая так затронула Пушкина.

И Кюхельбекер надолго запомнил литературную полемику первой половины 1820-х годов. Уже после поражения декабрьского восстания, в ссылке в своем Дневнике Кюхельбекер стремился осмыслить итоги прошедшей полемики. Речь там шла, естественно не только о Пушкине, но в данном случае нас интересует восприятие Кюхельбекером творчества его великого современника в контексте развития всей европейской литературы.

Как известно, Дневник Кюхельбекера дошел до нас не полностью; но, судя по всему, уже в самых первых дневниковых записях он снова и снова продолжает размышлять над путями развития европейской литературы. Итак, по какому же пути должно развиваться литературе? 17 декабря 1831 года он фиксирует свои мысли о двух возможных вариантах такого развития. Один из них путь Гомера, путь поэта, который заставляет «восхищаться свежестью картин его, верностию, истиною каждой малейшей даже черты, которою он рисует мне быт древних героев...» Ключевое слово в данном случае: *героев*. Другой путь — путь Байрона и Пушкина, которые описывают предметы *малые и скудные* да к тому же (и это для

Кюхельбекера совершенно неприемлемо) «смотрят ни европейский мир как судьи, как сатирики, как поэты-описатели; личность их нас беспрерывно разочаровывает...» «Ювеналовские выходки» Байрона и Пушкина заставляют читателя «удивляться только тому, как они решились воспевать то, что им казалось столь низким, столь ничтожным и грязным». Вывод, который делает Кюхельбекер, совершенно однозначен: «Нет, Гомер нашего времени — если только он возможен — должен идти другою дорогою» [3; 65].

Как видно, речь идет вовсе не о старинном споре классицистов и романтиков. Судя по всему, этот вопрос для Кюхельбекера (да и не для него одного) давно уже решен. Как и раньше, его беспокоит ситуация внутри новой литературы, внутри того направления, к которому он и сам принадлежит. Очевидно, Кюхельбекер, подобно Рылееву, четко осознает несовместимость собственного эстетического кодекса с пушкинским выбором. При всей личной привязанности к «великому поэту, при всем преклонении перед дивными творениями Пушкина Кюхельбекер выступает защитником и пропагандистом иного пути, иного подхода к целям и задачам литературы.

Чуть более месяца спустя, в записи от 22 января 1832 года Кюхельбекер упомянул двух «отличных стихотворцев» — Шихматова и Пушкина, которые, впрочем, прославляя Полтавское сражение, не сумели, по мнению автора Дневника, *изобразить* его с учетом исторического времени и пространства, так что писание можно было «приноровить» и к Лейпцигскому, и к Бородинскому сражениям, «стоит только переменить имена собственные». В данном случае особенно обращает на себя внимание сочетание, казалось бы, несоизмеримых имен — Шихматова и Пушкина. Между тем, для Кюхельбекера в этом не было ничего экстравагантного: для него Шихматов — один из сподвижников группы «славян-романтиков», следовательно, поэт, максимально близкий ему по литературной позиции; Пушкин же был все же представителем иной школы.

На протяжении всего Дневника не прекращается заочный спор с Пушкиным. Так, при чтении 8-й главы «Евгения Онегина» Кюхельбекер не упускает случая заметить, что 11-ая строфа «несколько сбивается на наши модные элегии» (что,

очевидно, можно рассматривать как упрек). И тут же Кюхельбекер с некоторой обидой замечает, что «нападки на *** не очень кстати» [3; 101]. Имеются в виду строчки

*Она казалось верный снимок
Du comte il faut *** прости,
Не знаю, как перевести.*

В современных изданиях печатается «Шишков, прости...» Однако, как видно, Кюхельбекер уверенно отнес пушкинский намек к себе: «...очень узнаю себя самого под этим гиероглифом...». [10; 289-290]. Не вдаваясь в проблемы текстологического характера, заметим, что, если даже Кюхельбекер и не был прав в своих предположениях, то сам по себе ход его мысли, при котором то, что относилось к Шишкову, легко воспринималось им как относящееся к нему самому, очень знаменательно. Внутреннее родство с идеями и взглядами Шишкова не покидало Кюхельбекера.

Мысли о Пушкине, точнее, о его пути в литературе, его эстетической позиции постоянно волновали Кюхельбекера. Снова и снова обращается он к рассуждениям о принципиально разных позициях, которые занимали Пушкин и «младоархаисты», 17 января 1833 года появляется следующая запись в Дневнике: «Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина: но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей... ...мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (искренно или нет —это иное дело!) за приверженца школы так называемых очистителей языка, а я уже 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова» [3; 222].

Прямое и безоговорочное утверждение *совершенно различных дорог*, разумеется, нуждается в определенных коррективах, но сам по себе факт четко осознанного и сформулированного различия знаменателен. Важно также отметить, что в сознании самого Кюхельбекера переход в «дружину славян» произошел с 1820 года.

Показательно, что Тынянов в своей известной статье, посвященной личным и творческим связям Пушкина и Кюхельбекера, практически не затрагивает вопрос о

принципиальном различии литературных позиций двух лицейских друзей [10; 233-294].

На страницах «Дневника» Кюхельбекер неоднократно высказывает критические замечания по поводу тех или иных произведений Пушкина. Справедливо было замечено, что те самые стихи, которыми Кюхельбекер восхищался ранее (например «Подражание Корану»), те, «которые были написаны в манере исступленного восторга или экстаза обличения, близкого стилю самого Кюхельбекера 1820-х гг., сейчас кажутся слишком обдуманно, рассчитанными на эффект, а потому - лишены вдохновения» [3;637].

Впрочем, даже в ссылке Кюхельбекера все еще не оставляет мысль о возможности привлечения Пушкина на сторону не просто гражданских романтиков, но именно «младоархаистической» группировки в нем. Об этом свидетельствует, например, «Русский Декамерон 1831-го года», написанный Кюхельбекером, в 1831-начале 1832 года. Очевидно, полный текст этого произведения летом 1832 г. получил Пушкин [3; 161]. Строки, которые будут процитированы ниже, скорее всего и писались в расчете на то, чтобы Пушкин их прочел. Они имели характер некоего поучения.

В «Русском Декамероне» Кюхельбекер всячески поддерживает попытку «возобновлять и приспособлять к нынешнему слогу чистые славянские речения и обороты». Как видно, эта старая тенденция, связанная в сознании современников с Шишковым, воспринималась Кюхельбекером как актуальная даже в 1831 г. Правда, тут же Кюхельбекер с грустью отмечает, что эта тенденция не имеет многих приверженцев: «Если подумать, как, например, забыт и брошен Шихматов, поэт таких дарований, каких у нас, право, мало...». И все же Кюхельбекеру представляется, что «слабеет школа, хлопотавшая о том, чтоб из нашего могущественного языка извлечь небольшой, чопорный словарь для избранных...». Легко заметить, что в данном случае мы имеем дело с почти прямой цитатой из известной статьи Кюхельбекера «О направлении вашей поэзии...». Кюхельбекер верен себе, продолжая отстаивать свое убеждение. И тут же он счел необходимым высказать предположение об изменениях в позиции Пушкина: «Пушкин, лучший

наш поэт, решительно от нее отстал в «Полтаве», а как я слышал от читавших «Бориса Годунова» в рукописи, в этом последнем своем творении решительно пристал к стороне ее противников» [3; 518]. Предположения Кюхельбекера не оправдались, но характерна сама по себе тенденция, в соответствии с которой Пушкин в своей гипотетической творческой эволюции оказывался противником школы Карамзина. Это тем более показатель» но, что мнение Кюхельбекера о «Полтаве» и «Борисе Годунове» было весьма критическим. И тем не менее в данном случае он готов даже изменить свое суждение во имя более важной цели – представить дело таким образом, будто бы Пушкин примкнул к той архаистической школе, одним из виднейших теоретиков которой был сам Кюхельбекер. На самом деле этого, разумеется, не было, но в высшей степени показательно, в каком направлении развивалась мысль лицейского друга Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайскопф М. «Зачем так звучно он поет?» Гоголь и Белинский в Борьбе с Пушкиным //Новое литературное обозрение. - 2000. - № 44.
2. Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2-х т. - Т. 1. - М.-Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта. Большая серия).
3. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. - Л.: Наука, 1979.
4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. - М.: Просвещение, 1988.
5. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». -СПБ.: Искусство-СПБ., 1998.
6. Немзер А. Поэзия Жуковского в шестой и седьмой главах романа «Евгений Онегин» //Пушкинские чтения в Тарту 2. - Тарту, 2000.
7. Пушкин А. С. Поли. собр. соч в 10-ти т. - М.: Наука, 1964.
8. Поэты-декабристы: Стихотворения /Вступ. ст. Н. Эйдельмана. - М.: Худож. лит., 1986.
9. Рылеев К. Ф. Сочинения: Стихотворения и поэмы; Проза; Письма /Сост. вступ. ст, коммент. С. А. Фомичева. -Л.: Худож. лит., 1987.
10. О.Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. -М.: Наука, 1969.

11. Фризман Л. Г. Пушкин и Рылеев: Уроки великого спора //Література. Літературознавство. Життя. - 36. наук, праць і матеріалів на пошану М. В. Теплінського - Івано-Франківськ, Плав; ТзОВ "Поліскан", 1999.
12. Шапир М. Какого "Онегина" мы читаем? //Новый мир. - 2002. - № 6.